

Хачик Нишанович Момджян

ДИАЛЕКТИКА

В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ РУССО

Французский ежегодник 1978

М.: Наука. 1980. С.36-46

Веб-публикация: **Vive Liberta, 2011**

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Диалектическое восприятие мира неотделимо от мировоззрения революционных классов. Передовая общественная мысль, ополчаясь против отживших свой век реакционных отношений и институтов, обосновывая необходимость их ниспровержения и перехода к новой, передовой форме человеческого общежития, оперирует — осознанно или стихийно, с той или иной глубиной и последовательностью — диалектическими понятиями. Она отвергает попытки канонизации существующего положения вещей, фиксирует внимание на противоречивых, взаимообуславливающих и взаимоотрицающих имманентных силах данного общества, доказывает невозможность их примирения, обосновывает неизбежность поражения всего реакционного, ущербного, отстаивает победу жизненных, назревших разумных и справедливых социальных порядков, новых духовных ценностей.

Диалектическое мировоззрение революционно по своей природе. Оно с той или иной мерой глубины и последовательности отвергает важнейшие категории метафизического, антидиалектического мышления. Оно отрицает идеи неизменности, качественного постоянства. Оно отстаивает единство и борьбу противоположностей, скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому. Диалектика восстает против попыток сведения развития к плоскому эволюционизму, к бесконечному улучшению данного явления без перспектив и возможностей выхода за пределы канонизированного качества. «Для диалектической философии, — писал Энгельс, — нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему»¹.

Французское Просвещение XVIII в., идейно подготовившее Великую французскую революцию 1789—1794 гг., не могло, естественно, не обнаружить в определенных границах и в своеобразной форме идею диалектического отрицания, идею восхождения к новому социально-экономическому, политическому и правовому порядку, к новому мировоззрению. Конечно, речь идет об отдельных мыслях и догадках, но не о целостном диалектическом методе познания, ставшем возможным много позднее. Важнейшие, порой блестящие диалектические мысли — в особенности у Дидро и Руссо — не могли еще разрушить господствовавший в ту эпоху формально-логический, метафизический метод мышления, но уже вступали в противоречие в нем, расшатывали его.

И возникновение и развитие диалектического метода нужно рассматривать исторически. Проходя различные стадии формирования, он не мог сразу достигнуть своей высшей ступени без постепенного, эволюционного развития, без перехода от первоначальных разрозненных догадок и предположений к стройной системе взглядов.

Диалектика Руссо и других французских просветителей XVIII в. была закономерной ступенью в становлении научной диалектики. Нужно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. т. 21, с. 276.

подчеркнуть это положение, ибо в нашей литературе оставалась не до конца раскрытой мысль Энгельса о том, что среди представителей старого материализма были блестящие диалектики.

Определяя материализм XVIII в. в основе своей как метафизический, Энгельс неоднократно указывал на возникновение в лоне этого материализма глубоких диалектических идей. Известны слова Маркса о том, что уже у Бэкона материализм таит в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития². Английский мыслитель XVII в. близко подходил к пониманию борьбы противоположностей как источника движения. Энгельс высоко оценивал диалектические идеи Декарта и Спинозы. Упомянутая Дидро и Руссо, автор «Анти-Дюринга» констатировал, что они оставили нам «высокие образцы диалектики»³. У Дидро диалектические идеи с особой яркостью обнаруживаются в сфере эстетической и этической мысли, а в особенности в размышлениях о природе, о материи и движении, о материи и сознании, об эволюции живых организмов и т. п. Диалектическая же мысль Руссо проявилась главным образом в его социально-политических размышлениях, в сфере социальной философии.

Известно, что Руссо не поднялся до материализма и атеизма, а остался на позициях своеобразного деизма. Но он попытался объяснить ход и исход важнейших исторических событий, не апеллируя к сверхъестественным силам. Руссо рассматривал историю человечества как результат деятельности людей, интеллекта и чувств. Это стремление объяснить историю, не выходя за ее пределы, не увенчалось и не могло в ту историческую эпоху увенчаться переходом на позиции материалистического понимания общественной жизни. Но это обстоятельство не помешало французскому просветителю-демократу высказать ряд глубоких диалектических идей об истории человеческого общества.

Трудно указать достоверно теоретические истоки диалектической мысли Руссо. Вероятнее всего, что диалектическое восприятие было обусловлено самой реальной жизнью, до предела обострившимися экономическими, социальными, классовыми, идеологическими противоречиями феодальной Франции накануне революции. И действительно все пришло в движение. То, что веками воспринималось как вневременное, вечное, неизменное, теперь подвергалось лобовым атакам. Новые идеи и мысли с нарастающей силой теснили канонизированные политические, правовые, этические, религиозные догмы. Нарастало массовое убеждение, что невозможно жить по-прежнему, невозможно мириться с существующим порядком вещей, нужно перевернуть этот негодный, неразумный мир.

Совсем еще молодым человеком Руссо пешком прошел большие просторы французской земли. Люди бедствовали, голодали, росло озлобление, формировалось сознание необходимости применить силу, чтобы создать новые условия существования.

Мысли Руссо рождались не столько от чтения книг, сколько от непосредственного контакта с жизнью, с простым народом. Эту мысль хорошо выразил А. З. Манфред. Он писал: «Может быть, прочитанные книги какое-то впечатление на Руссо и произвели — такое предположение вполне допустимо; однако остается несомненным, что основным, главным источником, питавшим систему общественно-политических воззрений Руссо, была прежде всего сама жизнь, окружающий его мир сословного неравенства, крестьянской нужды, народных бедствий»⁴.

Руссо рассматривал общественное развитие как возникновение и разрешение глубоких социальных противоречий, как переход от одного качественного состояния к другому через отрицание предыдущей исторической фазы. Так, на начальном этапе развития — в естественном, по

² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 142.

³ Там же, т. 20, с. 20.

⁴ Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978, с. 45.

определению Руссо, состоянии человеческое общество не знало социальных различий, привилегий и антагонизмов. Все были равны в правах и в бедности. Развиваясь, эта фаза пришла к своему падению, к отрицанию ее другой исторической фазой. Пришедшее на смену естественному состоянию гражданское общество явилось полным отрицанием предшествовавшего этапа исторического развития. В новом обществе исчезло первоначальное равенство людей, появились бедные и богатые, подвластные и господа. В гражданском обществе меньшинство получило возможность жить за счет тяжелого и унижительного труда покоренного народа. Как совершился этот резкий переход в истории человечества?

В ту эпоху Руссо не дал и не мог дать научного ответа на этот вопрос. Знаменательно, однако, что главную причину исторического скачка, не будучи, правда, в состоянии научно ее объяснить, он ищет все же в экономической сфере, в факте возникновения частной собственности. О коренном переходе от состояния имущественного и социального равенства к неравенству между людьми написаны знаменитые слова Руссо: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: „Это мое!“ и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы себе подобным: „Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!“»⁵. Слова Руссо об обманщике и обманутых представляются нам литературным приемом, предназначенным для того, чтобы сделать мысль более доходчивой. В действительности он угадывал более глубокие, объективные причины возникновения частной собственности. Не случайно после приведенных нами слов Руссо делает глубокое замечание: «Очень похоже на то, что дела пришли уже тогда в такое состояние, что не могли больше оставаться в том же положении. Ибо это понятие — „собственность“, зависящее от многих понятий, ему предшествовавших, которые могли возникать лишь постепенно, не сразу сложилось в человеческом уме. Нужно было достигнуть немалых успехов, приобрести множество навыков и познаний, передавать и увеличивать их из поколения в поколение, прежде чем был достигнут этот последний предел естественного состояния»⁶.

Не трудно заметить, что эти рассуждения исключают мысль о *внезапном* появлении «обманщика» и «обманутых», а также о возможности волевыми усилиями одного человека «выдернуть колья» и «засыпать ров», чтобы покончить с возникновением частной собственности. Появление ее было подготовлено, по мнению Руссо, самим развитием первобытного общества, не знавшего еще деления на собственников и обездоленных.

В поисках причин возникновения частнособственнического общества Руссо прозорливо указывает на развитие производительных сил, на создание более совершенных орудий труда. «Искусство добывания и обработки металлов и земледелие, — пишет автор «Рассуждения о происхождении неравенства», — явились теми двумя искусствами, изобретение которых произвело этот огромный переворот. Золото и серебро — на взгляд поэта, железо и хлеб — на взгляд философа — вот что цивилизовало людей и погубило человеческий род»⁷.

Эти замечательные констатации роли орудий труда, форм хозяйствования, частнособственнических отношений, социальных антагонизмов в общественном развитии можно расценить как первые, пусть еще несовершенные попытки материалистического истолкования общественных явлений. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания многих иссле-

⁵ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 72.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 79.

дователей творчества Руссо, и в их числе А. З. Манфреда, В. С. Алексеева-Попова, Ги Бесса.

В попытках Руссо рассматривать историю как процесс перехода от одних специфических состояний к другим можно уловить примитивные еще, но, бесспорно, смелые для своего времени мысли о скачкообразном переходе количественных изменений в новое качество.

Вступая в идейное противоборство с теми, кто желал увековечить существующий строй, Руссо заявляет: «Вы полагаетесь на существующий строй общества, не помышляя о том, что этот строй подвержен неизбежным переворотам и что вам невозможно ни предвидеть, ни предупредить того строя, который могут увидеть ваши дети. Вельможа делается ничтожным, богач — бедняком, монарх — подданным; разве удары судьбы столь редки, что вы можете рассчитывать избежать их? Мы приближаемся к эпохе кризиса, к веку революций»⁸. Это не только предвидение и обоснование грядущей революции. Принципы общественного развития на путях скачкообразного, революционного перехода от одной фазы истории к другой является своеобразной методологической установкой Руссо-социолога. Он еще не в состоянии научно объяснить развитие, протекающее диалектическими скачками, но существование этих скачков для французского мыслителя является бесспорным.

В работах Руссо с достаточной ясностью выражена идея восходящего развития истории, идея социального прогресса. При всех глубоких симпатиях к естественному состоянию Руссо достаточно отчетливо осознает невозможность попятного развития, возвращения к пройденным историческим ступеням. Он понимает, а чаще угадывает, что совокупность признаков гражданского общества, при всей социально-нравственной их неприемлемости для Руссо, необходимый этап в восходящем развитии человечества. Диалектическая мысль Руссо достаточно отчетливо сказалась в понимании противоречивости этого процесса.

Идеализируя естественное состояние, оплакивая утраченные людьми «свободу и равенство», ополчаясь против плодов цивилизации, против «развращающего влияния» науки и искусств на нравы людей, Руссо не мог, однако, не признать, что с утверждением гражданского общества со всеми его пороками и несправедливостями человечество все же в каких-то очень существенных, необходимых аспектах совершило восхождение по ступеням истории. В «Анти-Дюринге» Энгельс отметил: «Учение Руссо в первом своем изложении почти нарочито выставляет напоказ печать своего диалектического происхождения»⁹. Разъясняя свою мысль, Энгельс указывает, что и в самом возникновении неравенства Руссо усматривал прогресс, понимая его антагонистический характер.

Подчеркивая все бедствия, связанные с переходом от «естественного состояния» к обществу, разделенному на противоборствующие социальные силы, на бедных и богатых, на управляемых и правителей, отмечая жестокие и несправедливые условия существования подавляющего большинства людей, Руссо не мог одновременно не заметить процессы иного порядка. Человечество вооружилось более совершенными средствами создания материальных благ, увеличило свою власть над природой. Люди расширили посевные площади, увеличили производительность труда, начали собирать урожай, немислимые при старых орудиях труда и старой его организации. Исчезли убогие хижины, одежда, шитая из шкур зверей с помощью «древесных шипов или рыбных костей». Прошли времена, когда люди «выдавливали с помощью острых камней какие-нибудь рыбачьи лодки или грубые музыкальные инструменты».

Противоречивый характер исторического прогресса, перехода от «естественного состояния» к гражданскому обществу, несоответствие возросших производительных возможностей людей и жалкой участи подавляю-

⁸ Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании. М., 1911, с. 268.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 143.

щего их большинства Руссо выразил в следующих словах: «...исчезло равенство, появилась собственность, труд стал необходимостью; и обширные леса превратились в радующие глаз нивы, которые падо было орошать человеческим потом и на которых вскоре были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета»¹⁰.

Но сознание, что возникновение классового общества несет неисчислимые бедствия, расширение и углубление неравенства, не привело Руссо к пессимистическим выводам. Немаловажное значение для сохранения социального оптимизма имел исторический взгляд Руссо на ход общественного развития. Он был далек от того, чтобы царившую в его время безотрадную картину считать неизменной и вечной. Напротив, диалектический взгляд на историю позволял Руссо делать выводы, очень далекие от социального пессимизма. Не случайные обстоятельства, рассуждал Руссо, а внутренние противоречия с исторической неизбежностью привели к падению естественного состояния и победе гражданского общества. А оно разве свободно от еще более острых противоречий?

Согласуется ли сказанное с известным призывом Руссо вернуться назад к природе от уродующей человека цивилизации?

Что и говорить, в рассуждениях Руссо немало противоречивых идей и оценок. При желании их можно истолковать так, чтобы представить Руссо ретроградом, зовущим к идеализированной им дикости. Такие нападки делались еще при жизни Руссо не только реакционерами, но и отдельными французскими просветителями, обеспокоенными тем, что Руссо ополчается не только против феодального строя, но и против формировавшегося буржуазного порядка. Не удержался от язвительных нападок на Руссо и патриарх Просвещения Вольтер.

Внимательное изучение работ Руссо приводит к выводу, что его призывы вернуться к «идиллическим отношениям» прошлых веков, к исходным принципам «естественного состояния» были преимущественно средством развенчания всех форм социального неравенства и порабощения человека человеком. Исследование текстов Руссо убеждает, что Руссо мечтал о *новом* естественном состоянии, о *новом* золотом веке, о *новой* форме собственности.

Конечно, эгалитаристский идеал Руссо, его мечты о реальном равенстве и свободе людей не могли реализоваться в условиях, когда на повестке дня стоял переход от феодализма к исторически более прогрессивному капитализму. Заметим, что эгалитаризм Руссо и другие его мелкобуржуазные идеалы и мечтания не могли стать когда-либо реальностью. Но это не может перечеркнуть революционный потенциал и движущую силу идеалов наиболее поработанных социальных слоев кануна Великой французской революции, идеологом которых оказался вдохновенный Руссо. Творчество его служило историческому прогрессу.

Итак, Руссо не верил в возврат к прошлому, к блаженным, сильно идеализированным временам первобытнообщинного строя и не отстаивал такую возможность. Но не исключал «возврат» к прошлому, воссоздание, обновление, развитие утраченных добродетелей на качественно новой основе. Так Руссо угадывал диалектическое отрицание. Но вытекала ли органически такая постановка вопроса из системы его рассуждений? Как увидим ниже, Энгельс ответил на этот вопрос положительно. Его мнение полностью подтверждается текстами и логикой рассуждений Руссо.

Автор «Рассуждения о происхождении неравенства» не ограничивается одним лишь объяснением причин возникновения неравенства. Он прослеживает его развитие, возникновение все новых, более тяжелых форм порабощения народов. Подводя итоги своим размышлениям, Руссо делает вывод о неизбежности вооруженного выступления народа против поработителей, о неизбежности насильственной революции для уничтожения деспотизма и утверждения поправленных прав угнетенных. Заметим,

¹⁰ Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 78.

что такая перспектива, такая цена желанных перемен страшила большинство французских просветителей. Идеи Руссо в данном вопросе перекликались с мыслями и предсказаниями выдающегося представителя плебейско-демократического направления во французском материализме XVIII в., с призывами Жана Мелье.

При чтении работ Руссо бросается в глаза, что, говоря о различных тиранах — императорах, кровавых султанах и т. п., он имеет в виду современный ему феодализм, современный ему режим абсолютной монархии. Французский просветитель отражает нарастающий гнев народных масс против феодального разбоя, против деспотического режима последних Бурбонов.

Руссо воспроизводит отвратительный лик крайнего деспотизма, который исключает всякую свободу и уравнивает всех в бесправии. «Это, — пишет Руссо, — последний предел неравенства и крайняя точка, которая замыкает круг и смыкается с нашей отправною точкою. Здесь отдельные лица вновь становятся равными, ибо они суть ничто; а так как у подданных нет иного закона, кроме воли их господина, а у него нет другого правила, кроме его страстей, то понятие о добре и принципы справедливости вновь исчезают; здесь все сводится к одному только закону более сильного и, следовательно, к новому естественному состоянию, отличающемуся от того состояния, с которого мы начали, тем, что первое было естественным состоянием в его чистом виде, а это последнее — плод крайнего разложения»¹¹.

Власть деспота держится лишь голым насилием и только до тех пор, пока деспот сильнее поработенных. Ну, а если поработенные обретут большую силу? Тогда, естественно, они опрокинут своего деспота, имея на то все законные основания. Власть, которая держалась голым насилием, не имеет основания жаловаться, когда ее низвергают насильственно. Руссо завершает эту мысль своими знаменитыми словами: «Восстание, которое приводит к убийству или к свержению с престола какого-нибудь султана, — это акт столь же закономерный, как и те акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных. Одной только силой он держался, одна только сила его и низвергает»¹².

Рассуждения Руссо безоговорочно оправдывали революционное насилие ради ниспровержения деспотизма. Удивительные по ясности и целеустремленности мысли великого просветителя с позиций диалектической логики обосновывают необходимость коренных революционных преобразований. На это важнейшее обстоятельство обратил внимание Энгельс. Приведя цитированные выше мысли Руссо о превращении неравенства в равенство, в более высокое равенство общественного договора, когда сами угнетатели подвергаются угнетению, Энгельс констатирует у Руссо диалектическое положение — отрицание отрицания. «Таким образом, — пишет Энгельс, — уже у Руссо имеется не только рассуждение, как две капли воды схожее с рассуждением Маркса в „Капитале“, но мы видим у Руссо и в подробностях целый ряд тех же самых диалектических оборотов, которыми пользуется Маркс: процессы, antagonистические по своей природе, содержащие в себе противоречие; превращение определенной крайности в свою противоположность и, наконец, как ядро всего — отрицание отрицания. Если, следовательно, Руссо в 1754 г. и не мог еще говорить на „гегелевском жаргоне“, то, во всяком случае, он уже за 16 лет до рождения Гегеля был глубоко заражен чумой гегельянства, диалектикой противоречия, учением о логосе, теологией и т. д.»¹³.

Эта высокая оценка диалектического мышления французского просветителя оправдывается всем его творчеством. Все руссоистское представ-

¹¹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 95—96.

¹² Там же, с. 96.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 144.

ление об обществе неотделимо от его стремления видеть общественную жизнь в процессе непрерывного развития, изменения, восхождения, от уверенности, что источник движения нужно искать в имманентных, внутренних противоречиях социально-политических процессов. Отметим еще раз, что диалектика у Руссо не приняла последовательно научной формы, не была подразделена на законы, категории, общие понятия, не была распространена на природу, на естественные явления. Это неоспоримо, но неоспоримо также и то, что Руссо сделал существенный шаг в развитии диалектического мышления, диалектического анализа социально-политических отношений.

Особое место в этой диалектической логике занимает идея неизбежного столкновения антагонистических сил и победа справедливого над несправедливым, отжившим, реакционным. Мыслитель кануна великой революции, ее вдохновенный глашатай, теоретик, Руссо понимал, что в сложившихся условиях революции и гражданские войны неизбежны и благотворны. «Государство,— писал он,— пожираемое пламенем гражданских войн... возрождается из пепла и вновь оказывается в расцвете молодости, освобождаясь из рук смерти»¹⁴.

Диалектическая мысль Руссо не ограничилась лишь идеей имманентных противоречий, их перехода в свою противоположность, идеей отрицания. Исторически подходя к ряду важных проблем, он сделал важные выводы из этих диалектических констатаций. Из множества проблем остановимся лишь на одной, которая представляет большой интерес. Речь идет об историческом подходе к человеку, народу, государству.

Известно, что домарксова мысль, как правило, оперировала понятием абстрактного, всегда себе равного человека, «человека вообще». Человек расценивался как биологическая особь, остающаяся в основе своей неизменным существом.

Нельзя сказать, что Руссо выработал сколько-нибудь последовательный, конкретно-диалектический подход к этой проблеме и полностью освободился от концепции абстрактного человека как существа неизменного. Но справедливость требует отметить, что Руссо сделал ряд важных шагов к правильной постановке и правильному пониманию этого сложного вопроса. Он не достиг понимания сущности человека как совокупности всех общественных отношений, но утверждал, что человек, оставаясь неизменным как биологическое существо, изменяется вместе с качественными преобразованиями общественного строя. «...Человеческий род,— писал Руссо,— в одну эпоху — это не род человеческий в другую эпоху, и потому причина, по которой Диоген никак не мог найти человека, заключена в том, что он искал среди своих современников человека времен уже минувших»¹⁵.

Для подтверждения своей мысли об изменяемости социальной сущности человека, его потребностей, интересов, прав, вкусов и т. д. Руссо сравнивает человека эпохи естественного состояния с цивилизованным человеком: «Дикарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одного повергло бы другого в отчаяние»¹⁶.

Не ограничиваясь сказанным, Руссо достаточно отчетливо различает людей, принадлежащих к различным сословиям, с различными социально-политическими устремлениями. И все же в своих экономических, политических и педагогических суждениях он часто сбивается на концепцию абстрактного человека, человека как такового. Но его ученики и последователи в эпоху Французской революции 1789—1794 гг.— Робеспьер, Марат, Сен-Жюст и другие якобинцы взяли у своего учителя диалектический взгляд на человека, более глубоко и остро различали непри-

¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 183.

¹⁵ Там же, с. 96.

¹⁶ Там же.

миримые классовые расхождения между людьми, сословиями и сделали из этих идей необходимые выводы для политической деятельности.

Руссо распространял конкретный диалектический подход не только на людей, но и на этнические общности, пытался уловить особенности тех или иных народов, обусловленные как географическим положением, так и различиями в общественной организации. Рискуя впасть в некоторые преувеличения, Руссо писал о национальных особенностях, о национальном характере: «Первый принцип, из которого нам следует исходить,— это национальный характер: каждый народ имеет или должен иметь национальный характер; если бы не было его у народа, то пришлось бы начинать с того, чтобы ему такой характер дать»¹⁷.

Но диалектический взгляд позволил Руссо понять изменчивость национального характера, определяющегося не естественными, а общественными отношениями. Французский просветитель понимал, что даже наиболее возвышенные черты национального характера могут быть обезображены «рабством и тиранией»¹⁸. Он достаточно отчетливо догадывался, что во дворцах и хижинах пользуются различными жаргонами национального языка и руководствуются различным пониманием чести, достоинства, добра и зла. Так в сфере затронутых вопросов диалектическое мышление придавало особую глубину суждениям и оценкам Руссо.

Руссо часто пользовался диалектикой взаимоперехода противоположностей. Маркс в своих выписках из «Общественного договора» внимательно следил за диалектическими оценками автора. Он полностью выписал и подчеркнул мысль Руссо о возможности превращения следствия в причину¹⁹.

Маркс обратил внимание на то обстоятельство, что автор «Общественного договора» вплотную подходит к диалектике общего и особенного. «...Общие цели всякого хорошего первоустройства должны *видоизменяться* в каждой стране в зависимости от тех отношений, которые порождаются как местными условиями, так и отличительными особенностями жителей»²⁰.

Маркс отметил диалектический характер и многих других размышлений Руссо. Так, он выписал следующие его мысли: «У греков все, что народу надлежало делать, он делал сам; беспрерывно происходили его собрания на площади... *рабы* выполняли его *работу*; главной заботой его была собственная свобода». «Гражданин может быть совершенно свободен лишь тогда, когда раб будет до последней степени рабом... Вы же, народы новых времен, у вас вообще нет рабов, но вы — рабы сами; вы платите за их свободу своею»²¹.

Основоположники марксизма, высоко оценивая Руссо, значение его революционных, насыщенных элементами диалектики идей, его роль в обосновании революционного низвержения феодальных порядков и абсолютной монархии во Франции, решительно отметили всякие попытки искажения и принижения французского революционного демократа. Так, в письме к И. Б. Швейцеру Маркс резко возражал против сближения Руссо и Прудона. «Прудона,— писал Маркс,— часто сравнивали с Руссо. Нет ничего ошибочнее такого сравнения... Прудон по натуре был склонен к диалектике. Но так как он никогда не понимал подлинно научной диалектики, то он не пошел дальше софистики»²². Из этих слов правомерно заключить, что Маркс по достоинству оценивал диалектику Руссо. В том же письме Маркс отмечал политическое приспособленчество Прудона, его тщеславие, заботу о минутном успехе. «При этом,— продол-

¹⁷ Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 268.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Маркс К. Выписки из «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо. См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 479.

²⁰ Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 480. Подчеркнуто Марксом.

²¹ Там же, с. 484. Подчеркнуто Марксом.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 30—31.

жал Маркс, — неизбежно утрачивается тот простой моральный такт, который всегда предохранял, например, Руссо от всякого, хотя бы только кажущегося компромисса с существующей властью»²³.

Маркс отверг также попытки натуралистического истолкования идеи Руссо об общественном договоре. Как уже говорилось, Руссо действительно идеализировал естественное состояние, но отнюдь не призывал возвратиться к пройденному примитивному этапу общественного развития. Отвергая подобное искажение сути вопроса, Маркс писал: «Ни в малейшей степени не покоится на таком натурализме и *contrat social* Руссо, который устанавливает путем договора взаимоотношение и связь между независимыми от природы субъектами. Это — иллюзия, и всего лишь эстетическая иллюзия больших и малых робинзонад. Это, скорее, предвосхищение „гражданского общества“, которое подготавливалось с XVI века, а в XVIII веке сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости»²⁴.

Мы постарались показать, что основная диалектическая идея Руссо касалась смены социального неравенства новой исторической фазой, которая должна была на качественно новой основе возродить равенство людей. Руссо не пришел к идее социализма, даже утопически понятого. Он был и остался убежденным защитником эгалитаризма, идеи равного распределения частной собственности между гражданами. Эта идея была нереальной, неосуществимой, но ее защита и пропаганда в условиях антифеодальной, антикрепостнической борьбы играла весьма прогрессивную роль. «...Идея равенства, — писал В. И. Ленин, — есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач... Идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества, борьбу за самое широкое и чистое развитие товарного производства»²⁵. Накануне антифеодальной революции страстная и убежденная борьба Руссо за эгалитаризм, за уничтожение всех и всяческих экономических, социальных и политических привилегий, за равенство людей была борьбой за социальный прогресс.

В конце XVIII в. учение Руссо, его диалектические идеи покинули страницы трактатов и ворвались в бурную жизнь революционной Франции. Во многих программных речах и в действиях вождей якобинской диктатуры можно обнаружить блестящие диалектические мысли Руссо, его ненависть к обреченным антинародным общественным порядкам, готовность довести социально-классовые противоречия до их логического конца, его убеждение, что верное средство реализации исторического прогресса состоит в бескомпромиссной борьбе.

В. П. Волгин с полным основанием писал о якобинских вождях: «Если мы обратимся к тем речам и статьям, в которых они обосновывали свою политику, то в полной мере убедимся в том, что дальше эгалитаризма Руссо их социальные воззрения не шли. Крупнейшим политическим вождем якобинцев в эпоху диктатуры был Робеспьер. В многочисленных речах его социальные взгляды выявились в достаточной мере отчетливо. Что в основе их лежит теория Руссо, не подлежит никакому сомнению»²⁶.

Можно с уверенностью сказать, что ученики Руссо, заседавшие в революционном Конвенте, унаследовали не только ошибочные, исторически необоснованные идеи своего учителя, но и сильные стороны его взглядов, его революционную страсть, диалектическую динамичность его идей.

При всей своей исторической ограниченности, неразвитости диалектика Руссо продемонстрировала революционную суть и созидательные потенции диалектического мышления. Можно без преувеличения сказать, что выдающиеся представители диалектической мысли XIX столетия, и в

²³ Там же, с. 31.

²⁴ Там же, т. 12, с. 709.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 226.

²⁶ Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей. М., 1975, с. 221.

особенности Кант и Гегель, отдавали должное своему предшественнику. Разрозненные, до конца не раскрытые у Руссо идеи о диалектических противоречиях, антиномиях, об отрицании отрицания, о скачкообразном переходе от одного качественного состояния к другому, идея перерыва непрерывности, взаимоперехода причины и следствия, диалектика общего и особенного, части и целого и многие другие важнейшие элементы диалектического мышления были систематизированы только Кантом, и в особенности Гегелем, хотя и на идеалистической основе.

Маркс и Энгельс, создавая материалистическую диалектику, относились к идейному наследию Руссо самым внимательным образом.

* * *

Нельзя обойти молчанием непрекращающиеся попытки современных философов-идеалистов исказить революционную сущность учения Руссо, представить его принципиальным противником идеи исторического прогресса, социальным пессимистом, который не верит в возможность лучшего будущего человечества. Эти старые приемы извращения руссоизма ныне взяты на вооружение, так называемыми «новыми философами» во Франции, А. Глуксманом, Б.-А. Леви, Ж.-М. Бенуа и др.

Весь смысл творчества Руссо эти философы видят в том, что он якобы стремился опровергнуть идею восходящего развития человеческой истории. В искаженном освещении «новых философов» Руссо предстает как мыслитель, который зовет людей к блаженным временам «естественного состояния». Такое толкование Руссо продиктовано убеждениями самих «новых философов» — принципиальных противников социального прогресса. Не очень считаясь с фактами, с реальной картиной исторического процесса, они утверждают, что человечество развивалось «от плохого к худшему». Этот пафос отрицания прогресса обусловлен желанием доказать, что капитализм по сравнению с социализмом является лишь «меньшим злом». И вот, чтобы придать большую основательность своим антисоциалистическим взглядам, «новые философы» апеллируют к авторитету ложно толкуемого Руссо. Так, А. Глуксман и Б.-А. Леви противопоставляют «мудрого Руссо» другим представителям французского Просвещения с их «несбыточной» верой в возможность неограниченного прогресса, с их фанатичным преклонением перед разумом, прославлением рационализма, с их убеждением в возможности и необходимости утверждения более разумно организованного общества.

Мы уже отметили, что Руссо звал к «естественному состоянию», но не к прошедшему «естественному состоянию», а к новому обществу равных и свободных людей, к подлинному народоправству. Этот идеал был связан не с уничтожением цивилизации вообще, а с созданием новой цивилизации, когда достижения социального прогресса не будут обусловлены порабощением большинства. Таким образом, если не играть словами, не раздувать и абсолютизировать отдельные противоречия, слабые стороны, терминологические неточности Руссо, становится ясно, что французский мыслитель обосновывал создание нового общества, оправдывал его утверждение на путях революционного преобразования.

«Новые философы», которые страшатся всякого социального прогресса и предают анафеме саму идею революции, приписывают Руссо собственные взгляды. Идя по этому пути, Б.-А. Леви утверждает, что идея справедливого общества Руссо не более чем абсурдная мечта, а вся система французского просветителя — «боевая машина борьбы против прогресса»²⁷.

Леви и его единомышленники, охваченные желанием сразить идею исторического прогресса, пытаются, не считаясь с фактами, превратить Руссо в своего союзника. В «Эмиле» Руссо с полной убежденностью заяв-

ляет, что невзгоды, от которых страдают люди, излечимы; Леви же утверждает, что «Эмил» пронизан убеждением, будто идея справедливо организованного общества — абсурдная мечта.

Серьезные исследователи творчества французского просветителя утверждают, что Руссо критиковал не цивилизацию, а ее извращение. И. Верцман пишет: «Руссо, огорченный положением беднейшей части общества, именно „слева“ критиковал цивилизацию, но лишь в первом своем трактате, из следующих легко сделать вывод, что историю вспять не повернешь, что ход истории от низших, примитивных, пусть более счастливых стадий, к высоко развитому, просветленному разумом гражданскому обществу, пусть менее счастливому, несет блага для всех людей»²⁸.

Вряд ли имеет смысл серьезно защищать Руссо от старых и «новых» философов, которые во имя своих прагматических, классово-корыстных целей ополчаются против истины. Имя Руссо неотделимо от идеи социального прогресса.

Наряду с исследователями, которым удастся уловить диалектику в мышлении Руссо, разобраться в его противоречиях²⁹, немало авторов, которые, толкуя Руссо произвольно, разрывая цепь его диалектических построений, выхватывая и абсолютизируя отдельные его ошибочные мысли, стремятся с помощью французского мыслителя обосновать необходимость ополчиться против «демонической техники», изобразив ее главной виновницей бедствий, порожденных капиталистической цивилизацией³⁰.

Можно с уверенностью сказать, что все попытки извратить диалектическую мысль Руссо в целях обоснования реакционных, антинаучных решений обречены на полный провал. Руссо принадлежит науке и социальному прогрессу.

²⁸ Верцман И. Жан-Жак Руссо. М., 1976, с. 294.

²⁹ См., напр.: *Lecercle J.-L. J.-J. Rousseau. Modernité d'un classique.* Paris, 1973.

³⁰ См.: Рыклин М. К. Социальная философия Ж.-Ж. Руссо в свете современных исследований. — Вопросы философии, 1976, № 11.

РУССО Жан Жак 28.06.1712 2.07.1778

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss>

И.Верцман. Судьба и современная проблематика наследия Жан-Жака Руссо

А.Собуль. Руссо и якобинизм

Т.Занадворова. Теория Руссо о возвращении к природе

Т.Занадворова. Жан-Жак Руссо в «Драмах Революции» Ромена Роллана

Т.Занадворова. Ж.-Ж.Руссо и «сентиментальные революционеры»

Ж.Дотри. Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо

В.Алексеев-Попов. Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты

В.Алексеев-Попов. Лев Толстой и Жан-Жак Руссо (к постановке проблемы)

Р.Дерате. Руссо и социализм

М.Лоне. Своеобразие «Рассуждения о неравенстве» Руссо в интеллектуальной атмосфере его создания

А.Манфред. Жан-Жак Руссо и его время.

А.Манфред. Руссо и современность

Х.Момджян. Диалектика в социально-политических размышлениях Руссо

Г.Гобель, А.Собуль. Распространение идей Руссо и истолкование руссоизма (По альманахам времен Великой французской революции)

П.Алатри. Изучение политических взглядов Руссо в Италии

И.Сиволап. Ж.-Ж. Руссо в советской литературе 1917-1976 гг.